

своемъ учени. Во-вторыхъ въ настоящемъ сочиненіи Толстой прибѣгаетъ къ пріемамъ недостойнымъ серьезнаго мыслителя. Какъ извѣстно, наше правительство весьма гуманно относится къ Толстому и толстовцамъ, считая этихъ людей если не душевно-больными, то безвредными утопистами и мечтателями. Толстой *ложно* истолковываетъ этотъ гуманный образъ дѣйствія правительства его робостью, трусостью, тѣмъ отчаяннымъ положеніемъ, въ которое оно поставлено толстовцами и Толстымъ. „Правительства,—говорить онъ¹⁾,—передъ отказами христіанъ (т. е. передъ отказами *толстовцевъ* отъ исполненія гражданскихъ обязанностей) находятся въ отчаянномъ положеніи. Они видятъ, что пророчество христіанства (т. е. ученія Толстого) сбывается, оно разрываетъ узы скованныхъ и освобождаетъ людей, находящихся въ неволѣ (правительства), и видятъ, что это освобожденіе неизбѣжно должно уничтожить тѣхъ, которые держать другихъ въ неволѣ (т. е. правителей). Правительства видятъ это, знаютъ, что часы ихъ сочтены и ничего не могутъ сдѣлать. Все, что они могутъ сдѣлать для своего спасенія, это только то, чтобы отсрочить часть своей погибели. Они и дѣлаютъ это, но положеніе ихъ все таки отчаянное... Дѣло—продолжаетъ Толстой²⁾,—зашло уже слишкомъ далеко: правительства чувствуютъ уже свою беззащитность и слабость, и пробуждающіеся отъ усыщенія люди христіанского сознанія (т. е. толстовцы) уже начинаютъ чувствовать свою силу“. Какова эта сила и какъ она будто-бы грозна для правительства, Толстой указываетъ во многихъ мѣстахъ этого сочиненія. „Соціалисты, коммунисты, анархисты съ своими бомбами, бунтами и революціями далеко не такъ страшны правительству,—говоритъ Толстой³⁾,—какъ эти разрозненные (?) люди, съ разныхъ сторонъ заявляющіе свои отказы (повиноваться требованіямъ правительства) на основаніи одного и того же всѣмъ знакомаго ученія“. Чтобы лучше убѣдить своихъ послѣдователей—не исполнять своихъ государственныхъ обязанностей Толстой приводитъ въ своеемъ новомъ произведе-

¹⁾ Ч. II стр. 35—36.

²⁾ Ч. II стр. 37.

³⁾ Ч. II стр. 30.